

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

А. А. Абрашкин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 603155 Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12
E-mail: aabrashkin@hse.ru

Предложена новая этимология основных русских числительных. Происхождение названий первых четырех чисел связывается с древнейшей эротической культурной традицией. Рождение названий чисел от пяти до десяти и числа двенадцать объясняется влиянием славянского алфавита. Даны интерпретации слов сорок, девяносто, сто и тысяча.

Ключевые слова: Русский язык, этимология, числительные.

DOI: 10.18500/0869-6632-2016-24-5-84-91

Ссылка на статью: Абрашкин А.А. О происхождении русских числительных // Известия вузов. Прикладная нелинейная динамика. 2016. Т. 24, № 5. С. 84–91.

В названии своего толкового словаря Владимир Иванович Даль применительно к нашему языку употребил слово «живой». В подзаголовке он приписал, что это следует понимать, как «направление исследования». Выражение достаточно туманное. Оно ничего не проясняет, однако приглашает задуматься. Параллель «живой – живущий» слишком очевидна. В современном мире существуют сотни, если не тысячи языков. В противовес умершим и вышедшим из употребления их можно называть живыми. Но не такой смысл писатель вкладывал в свою характеристику. Окунувшись в глубины великорусской языковой стихии, он ощутил её корневую связь с миром природы, её естественность. Слово «птица» неразрывно связано с глаголом «петь», речь в русском восприятии – та же река, только наполненная духом и смыслом. Великорусский язык живой потому, что его корни хранят память тысячелетий, первообразы человеческой речи, например: урожай – это то, что рождает мать – сыра земля; медведь ведает, где мёд; облако – белое око небосвода. Жизнью наполнен наш язык, её вечной юностью, таков смысл далевского определения. Но коли так, то, как говорится, сам бог велел, поискать глубинные основания нашей речи. Начнем с числительных.

Почему Иван-дурак третий сын? Было время, когда человек только-только учился считать. Каменный век царил на Русской равнине. Математика тогда ещё не родилась, но первые числа уже существовали. Их соотносили с чёрточками, нарисованными на земле или процарапанными на камне. Или с палочками, выложенными вертикально в ряд. Одна палочка означала «один», две палочки – «два», три палочки – «три»:

Имена первым числам давали поэты. За каждым числом они видели определённый образ. Палка – древнейший символ мужского начала, а единица, повторяющая своим видом вертикальный обелиск, – символическое изображение бога плодородия. Наши предки называли его Уд. От словосочетания «Уд он» и произошло числительное «один». Вы скажете, появились другие гласные. Но слову-то не одна тысяча лет, а при произношении сохраняется, в первую очередь, каркас согласных.

Вся мифология, вся первобытная культура пронизана эротизмом. Было бы даже странно, если бы это не нашло отражения в названиях цифр. Представьте рисунок, на котором изображены две вертикальные черты. Он обратит нас к мысли о прекрасном сокровище, данном женщине. Число «два» олицетворяет женское начало, причем, в своем изначальном, девственном обличье. Два – по-другому, дева. Если на образном уровне единицу можно соотносить с ветхозаветным Адамом, то двойку – с Евой.

Третий в их компании, небезызвестный Змей, слывет искусителем женских сердец, вдохновителем исполнения их заветных желаний. Суть такого рода удовольствий прекрасно выражает слово «три»: ласкаясь, возлюбленные трутся друг о друга. Три – это сочетание единицы и двойки, слияние мужского и женского начал, вернее, входа первого во второе. Русские до сих пор характеризуют это действие глаголами «дери», «драть». Они-то и таят в себе сокровенный смысл ругательного ныне слова «дурак». А в своем изначальном значении оно относилось к герою-любовнику, который блестяще владел искусством соблазнения. Иван – третий сын родителей, третьяк или драк (дурак). Числительное таит в себе скрытый смысл, который переносится на сказочного героя и определяет, тем самым, его образ.

Число «три» символизирует любовь, и не какую-нибудь безответную и платоническую, а взаимную, страстную, ненасытную. Вот почему третий тост мужчины всегда поднимают за женщин. Тройка – единственное число в последовательности положительных чисел, которое равно сумме двух предыдущих. Это подчёркивает ее избранность, внутреннюю сложность и в то же время гармоничную целостность. В мифологии число «три» подразумевает существование единства верхнего, нижнего и среднего миров, а в христианстве отражает суть божественного устройства. Тройка несёт Русь!

Особая роль четвёрки. Для филологов происхождение слова «четыре» темно и неясно. От безысходности они выводят его из греческого языка. И совершенно напрасно. Для начала напомним, что слово «чета» – значит двоица, пара. Если же к нему присоединить глагол «ярить», имеющий смысл «разжигать похоть», то сложится как раз та праформа, из которой и выросло числительное «четыре». Означает оно «отъярить деву дважды». В таком художественном определении заложена и реальная математика: дважды два – четыре.

Всегда приятно убедиться, что открытое тобой правило работает. Но для пятёрки и превышающих её цифр оно уже даёт сбой. Четвёрка обозначает границу, за которой закон наименования чисел меняется. Эротический подтекст в названиях следующих цифр исчезает. Есть и другие доказательства избранности четвёрки.

Будем считать, например, дома и следить за окончанием существительного. Что получится? Один дом, два (три, четыре) дома, но : пять (сто) домов. Существительное, начиная с цифры «пять», употребляется в родительном падеже множественного числа. Два, три, четыре дома – это уже несколько домов, но для их счёта используется родительный падеж единственного числа. В составных числительных существительные подчиняются тому же правилу: «24 дома», но «25 домов». Эта древняя остановка на четырёх не ограничивается только числами единичного разряда. Она проявляется и в счёте десятков (тридцать, но сорок и пятьдесят), сотен (четыреста, но пятьсот), тысяч (4 тысячи, но 5 тысяч). За исключением числа «сорок», о нём речь впереди, при переходе через четвёрку соответствующего разряда начинается употребление существительное в родительном падеже множественного числа.

Удивись, дорогой читатель! Язык сохранил тонкости мировосприятия наших древнейших предков. На вопрос «сколько тебе лет?» ребёнок по мере взросления будет отвечать: «Мне два (три, четыре) года», но потом скажет: «Мне пять лет». Забавно, не правда ли, возраст до четырёх измеряется в годах, а после – в годах.

Или ещё пример, наверное, самый красивый. Будем записывать однотипные наречия, образованные от названий первых чисел, восстанавливая их первоначальный вид и способ образования: одна-жди, два-жди, три-жди, четыре-жди. Но на следующем шаге мы вынуждены написать – пять раз. Чудеса, да и только! Четвёрка обозначает предел, за которым закон счисления качественно меняется. Разумеется, это наследие давних времен, эпохи каменного века. Но эту реальность сберёг наш язык.

Способ записи обсуждаемых наречий открывает нам загадку четвёрки. Мы привыкли считать десятками, но так было не всегда. Самая первая русская система счисления основывалась на числе «четыре». Единицы счёта – один, два, три, четыре – находились в равном положении, после произнесения их при пересчёте чего-либо надо было сделать паузу, отсюда «жди» в связанных с ними наречиях. Пятёрка выступала первым элементом второй четвёрки, она открывала новый цикл счёта. Сосчитав до четырёх, древний вычислитель переходил к новой четвёрке. Поэтому синонимом слова «опять», в котором первая буква ненароком прилепилась, приросла к более древнему корню, служит наречие «снова». В этом слове первая буква – декоративная, оно родилось из словосочетания «сё (это) ново». По такому правилу в русском языке образовано также множество глаголов и существительных, например, делать – сделать, мена – смена и т.д.

Кажется странным, что основой счёта палеолитического человека стало четыре. Ведь самый простой способ счёта осуществляется при помощи пальцев, а их на каждой руке – по пять. В чём же дело? Чего проще, загибай пальцы на руке и шепчи под нос – один, два, три, четыре, пять, а далее отмечай каким-либо образом количество пятков. Но всё гораздо интереснее. Счёт велся, конечно, на пальцах, но большой

палец выступал в роли счётчика. Его последовательное прикосновение к каждому из четырех других пальцев руки соответствовало пересчёту очередной четвёрки чисел.

Почему же была выбрана именно такая система? Ответ открывает само слово «счёт». Используя «наше» правило буквы «с», его можно прочесть как «сё чёт». Человек начинал считать чётами (парами). Для нас это удивительно, но ни древние греки, ни средневековые арифметики единицу числом не считали. Традиционно ей присваивали особый статус, поскольку она неразложима на части. Первым числом считалась двойка. Вот почему охотники считали звериные шкуры парами. Счет «двойками» до сих пор используется в спортивных занятиях («раз, два») или для расчёта на «первый, второй». Неграмотным солдатам при маршировке в своё время командовали «сено, солома», у современных же военных возобладал счёт четвёрками. Считать так, действительно, удобнее.

Итак, в силу чётности четвёрка была выбрана для счёта на пальцах руки. Это свойство предопределило и её значимость в человеческой культуре. Четыре стороны света, четыре времени года, четверть... Наконец, поэтический «атом» – четверостишие. Союз двух пар рифм в нём прекрасно выражает тот глубинный смысл, который видели в четвёрке первые математики.

Гармония числа и буквы. Фантазии человека рождаются под воздействием окружающей действительности, их истоки лежат в океане реальности. Это свойство нашего мозга. Так происходит сейчас, так было и прежде. Всякое слово рождалось из определённого образа или на его основе. Слово «пять», казалось бы, должно выводиться из каких-то простейших корней, «привязанных» к руке или ладони: все ж таки пятипальцевая конечность – важнейшая черта человеческого тела. В санскрите, например, слова «рука» и «пять» совпадают. У нас не так. Правда, есть старорусское слово «пясть» – ладонь, кисть руки, но оно произошло уже от понятия «пять». Точно так же, как и пядь – расстояние от конца большого пальца до конца мизинца при наибольшем возможном их раздвижении (максимальном раскрытии пятерни). Ступня человека на мягкой почве оставляет след в виде отпечатков пяти пальцев и кружочка. Рассматривая их как части единого целого, древний языковед назвал этот кружок следом пятки, то есть, опять-таки и слова «пятка», «пятиться» ведут свою родословную от слова «пять». Но как же оно возникло само?

Тут самое время сказать, что, разгадывая тайну пяти, следует думать не только и не столько о происхождении одного этого слова, сколько о том новом принципе, который был заложен в названиях числительных, превышающих четвёрку. Система обозначений должна раскрыться как веер, обнажив как исходную идею создателей числовой азбуки, так и конкретные формы её реализации. Если первая четвёрка чисел замешана на эротическом «тесте», то для следующей за ней последовательности цифр на первый план выходит культурная составляющая. И вся проблема лишь в том, чтобы открыть её в явном виде.

А что, если изобретатели названий чисел от пяти до десяти опирались на идею их гармонии с буквами древнерусского алфавита? Мы сейчас пользуемся так называемыми индийскими цифрами. Первые сведения об их появлении в Европе относятся к концу X – началу XI вв. На Руси к тому времени уже существовал древнерусский алфавит (кириллица). Сравним её буквы с нашими цифрами.

На цифру «пять» похожа буква «ять». Она использовалась до реформы 1917-18 гг. и изображалась, как мягкий знак, у которого верхняя часть вертикальной линии перечёркнута горизонтально. Наша версия такова: слово «пять» образовалось в результате оглушения при произношении выражения «бѣ ять» – «было ять». А стало пять!

Цифра «шесть» похожа на отражённую от горизонтали строчную букву «е», которая в русской азбуке называлась «есть». Само слово «шесть» родилось из выражения «сѣ есть» – «это е». Кстати, гласная «е» – шестая в азбучном порядке.

Цифра «семь» похожа на отражённую от вертикали букву «с». А слово, обозначающее это число, выросло из древнерусской конструкции «сэ имею». Идём дальше.

Восьмёрка повторяет букву «в», а «восемь» значит «вэ сѣ имею». Глагол «имею» родствен существительному «имя», поэтому наименования первых букв семёрки и восьмёрки можно еще называть их именами.

Про изображение девятки так и хочется сказать «дэ ведь», «дэ ведай». Или по-другому – «дэ видь»! Речь идет об архаичной строчной букве «д», у которой, в отличие от современной, петелька не замкнута. Она один к одному воспроизводит девятку.

Вопрос о возникновении числительного «десять» представляет наибольшую сложность. С ходу он не решается, поскольку десятка состоит из двух знаков, которые схожи с буквой «ю», но выстроить на её основе выражение, сводящееся к слову «десять», невозможно. Не будем, однако, сдаваться.

«Ять» в слове «десять» воспроизводит название однозвучной буквы. Изначально это слово состояло из четырех букв - «д», «е», «с», «ять». Его можно прочитать, как «де с ятью», то есть десять означает сложение буквы «дэ» («де») с буквой «ять». Но «дэ» – пятая буква русского алфавита, а буква «ять» обозначает пятёрку. Их сумма как раз составляет десять. Мы в точности выполнили действие, которое предписывает слово «десять», и в итоге объяснили его смысл.

Наше отношение к числам сегодня чисто утилитарное, и поверить, что за их обозначениями, какими-то значками, скрывается определённый смысл, непросто. Но что есть, то есть. Названия чисел от пяти до десяти придумывались по единому плану, и нельзя не восхищаться его красотой и оригинальностью.

Слову «дюжина» академические филологи отдают французский приоритет. Причина простая – первое упоминание о ней содержится во французской рукописи XII века. Но в «Русской Правде», а это первая половина XI века, присутствуют наши доморощенные прилагательные «дюжь, дюжий», значение которых «здоровенный», «очень крепкий». Наречие «дюже» у русских имело смысл «сильно», «очень», а у поляков «много». В общем, у нас есть все основания говорить, что «дюжина» произошла от славянского «дюже». А теперь самое главное. «Дюже» – это соединение («суммирование») букв «д» и «ж». Первая из них – пятая по счету в русской азбуке, а вторая – седьмая. Складываем эти числа и получаем в сумме ровно дюжину. Может, это кому-то и не очень понравится, но это мы подарили европейцам и десятку и дюжину.

Мистика сорока. В русском языке, как и в большинстве других индоевропейских языков, система числительных имеет почти регулярную структуру. Числа до 10

имеют оригинальные имена, а от 11 до 19 уже составные названия: одиннадцать (один на десять) и т.д. А вот с наименованием десятков уже начинаются сложности. После двадцати и тридцати следовало бы ожидать четырёхдесят, однако говорят «сорок». Далее правило, казалось бы, восстанавливается, но вместо девяносто произносят «девяносто». Учёные назвали два этих исключительных числительных аномальными.

Относительно природы числа «сорок» специалисты спорят. Предложены греческая, тюркская и даже скандинавская гипотезы его происхождения. Принимать их всерьёз не следует по одной простой причине: если на Руси был широко принят счёт сороками, то ни в Греции, ни у татар, ни в Скандинавии этого в таком масштабе не наблюдалось. В русском пуде содержалось 40 фунтов, в мерной бочке - 40 вёдер, в указном ведре – 40 косушек и т.д. Да, Русь платила дань ордынцам сороковинами (ежегодная подать, равная сороковой части наличного имущества), но это лишь доказывает, что для русских была известна и принята такая мера отсчёта, и имеет смысл говорить как раз об обратном заимствовании. Московские церкви считались также «сороками». Ещё в XVII веке говорили, что в Москве «сорок сороков» церквей, хотя на самом деле их было порядка ста.

Сороками считали звериные шкурки и сибирские охотники. Делали они это прелюбопытным способом. Большим пальцем правой руки, используемым в качестве счётчика, зверолов пересчитывал каждую пару суставов на четырёх оставшихся пальцах и, насчитав, таким образом, восемь единиц, загибал один палец левой руки. Операция счёта кончалась, когда были загнуты все пять пальцев левой руки, что давало пять восьмёрок, одну «сорочку» или число «сорок». Таким образом, «сорок» значит «сё рука»! Гласные в этом выражении ближе к нашему времени чуток изменились, но это обычное дело. Почему мы называем рубашку сорочкой? Потому, что она с ручками, с рукавами. Точно так же и звероловы называли свой мешок со шкурками оттого, что к его горловине были пришиты «ручки», использовавшиеся в качестве завязок. И вовсе не потому, что в такую сорочку закладывалось по сорок шкурок.

О том, что число 40 на Руси когда-то играло роль «границы» говорят и некоторые связанные с ним поверья. Так, сорок первый медведь считался роковым для охотника. В связи с этим обратим внимание на символический характер названия знаменитой повести Бориса Лавренёва «Сорок первый». Слово «срок» выросло из словосочетания «сё рок». Оно не слишком близкий родственник сорока. Здесь проявляется, скорее, ассоциативная параллель: рука - конечность – конец – срок (рок). Но народная традиция прочно соединила два эти слова. Русские люди, к примеру, до сих пор обсуждают, можно ли отмечать 40-летие. Число сорок играет важную роль в иудейской, христианской и мусульманской религиях. Но истоки его мистического почитания лежат в языческой культуре охотников Евразии.

Тайна девяноста. Слово «девяносто» интригует своей загадкой. Его иногда пытаются выводить из оборота «десять до ста», но выглядит это как-то неубедительно: исходная праформа должна содержать число «девять».

В первую очередь, следует разобраться со значением слова «сто», которым оканчивается наше числительное. Все гениальное просто, поэтому слово «сто» ло-

гично толковать, как сокращённое «стой». Почему логично? Потому что сто – обозначение нового разряда, это очередной рубеж счёта, перед которым необходима «пауза». Вспомним окончание «жди» в уже обсуждавшейся четвёрке наречий, или то, что при пересчёте спортсменов и военнослужащих, стоящих в шеренге, последний в ней должен произнести свой порядковый номер и добавить: «Расчёт окончен». Схожая ситуация сложилась, например, и в английском языке. Там слово «hundred» («сто») родилось из словосочетания «end road» («конец дороги»). Таким образом, последний слог числительного «девяносто» как бы предупреждает, что скоро грядёт переход к новому разряду.

Составители «гаммы» чисел уважительно относились к людям, которым предстояло научиться считать. За десять шагов до сотни они, вместо обозначения кончающегося разряда, выставили предупреждающий знак «стой» и дублировали его перед каждым следующим числом. Получался следующий счёт: девять-стой, девять-стой один и т.д. «Стой» стало наименованием нового разряда. Впоследствии последняя буква отпала, а про изначальный смысл обозначения разряда забыли и склоняли число «сто» по правилам грамматики.

Но на этапе счёта сотнями обнаружился методический просчет. Число «девять-сот» практически повторяло оборот «девять-стой». Вот тогда-то директивно, сверху и ввели слово «девяносто». Эксперимент с предупреждающими знаками был признан неудачным и при переходе на счёт тысячами они уже не выставлялись. От идеи остановки перед введением нового разряда при этом не отказались. Слово «тысяча» значит «то усеча» – «отсекание, отруб» («то» - указательное местоимение). Для сравнения укажем, что у англичан «thousand» («тысяча») является слегка искажённым словосочетанием «those end» («этот конец»). Аналогия полная.

Русская формула счёта. Как и всякая наука, арифметика вневациональна. Числа и действия над ними везде одинаковы, будь то чёрный или зелёный континент. Это следствие формализации процедуры вычислений. Но русский язык указывает на возможность несколько иного взгляда на сам процесс счёта. По-русски слова «считать» и «читать» означают в сущности одно и то же (правило буквы «с»!). Ни в одном другом языке ничего подобного нет. Читать – значит глядеть в текст, а считать – значит оперировать с числами. У русских же эти два процесса объединяются. У нас работает формула счёта: СЧИТАТЬ – ЗНАЧИТ ЧИТАТЬ! Она пережила тысячелетия и отражает народный характер. Наша натура бунтует против абстрагирования от природы. Нам не всё равно, что считать, и не всё равно, как считать. В нас живёт идущая от предков установка - оживить процедуру счёта, наполнить её жизненными реалиями. Если счёт подразумевает обезличение предмета, то чтение, наоборот, предполагает его образное восприятие.

Подведем итоги. Имена первых русских числительных рождались на основе первообразов, прочно закрепившихся в сознании людей. Числа от одного до четырёх связаны с эротическими символами, числа от пяти до дюжины обязаны своими названиями русскому алфавиту, а число «сорок» возникло после укоренения на Руси пальцевого счёта. Исключениями в этом ряду являются девяносто, сто и тысяча. Они вводились, как обозначение перехода в новую зону счёта. Но исключения лишь украшают правило. В названиях наших основополагающих числительных живёт поэзия, и это ещё одно свидетельство в пользу того, что наш язык – живой.

Поступила в редакцию 27.09.2016

ON THE ORIGIN OF RUSSIAN NUMERALS

A. A. Abrashkin

National Research University «Higher School of Economics»
Bolshaja Pecherskaya str., 25/12, 603155 Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: aabrashkin@hse.ru

A new etymology of basic Russian naturals is proposed. The origin of the names of the first four numbers is connected with the ancient erotic cultural tradition. The appearance of the names of the numbers from five to ten and the twelve is explained by the influence of Cyrillic alphabet. The interpretations of such words as forty, ninety, hundred and thousand are given.

Keywords: Russian language, etymology, numerals

DOI: 10.18500/0869-6632-2016-24-5-84-91

Paper reference: Abrashkin A.A. On the origin of russian numerals // Izvestiya VUZ. Applied Nonlinear Dynamics. 2016. Vol. 24. Issue 5. P. 84–91.

Абрашкин Анатолий Александрович – родился в 1959 году в Горьком, окончил радиофизический факультет Горьковского Государственного Университета в 1981 году. После окончания ГГУ работал в Институте прикладной физики РАН и Институте прикладной механики РАН. В настоящее время профессор кафедры математики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и ведущий научный сотрудник ИПФ РАН. Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук (1988) и доктора физико-математических наук в Институте гидродинамики СО РАН (1999) по теме «Вихревые волны и вихри в идеальной несжимаемой жидкости». Автор монографии «Вихревая динамика в лагранжевом описании» (совместно с Е.И. Якубовичем). Опубликовал более 40 научных статей. Член Союза писателей России.

603155 Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: aabrashkin@hse.ru

